

Безумие верхнего "си"

Лучано Паваротти заглянул за кулисы собственной жизни

Мит. газ. - 1996 - 10 апр. - с. 14.

ЗАГЛЯДЫВАТЬ за кулисы, тем более за кулисы собственной жизни, дело рискованное, во всяком случае — небезопасное. Лучано Паваротти сделал то и другое и поплатился за это.

Дело было прошлой весной, когда великий итальянский тенор репетировал в нью-йоркской "Метрополитен опера" в "I Lombardi". Как-то вместе с генеральным директором "Мет" Джозефом Вольпи они заглянули за кулисы и наткнулись на старые декорации для оперы Доницетти "Fille du Régiment".

— Он повернулся ко мне и сказал: "Эй, Джо, у меня родилась безумная идея — давай возобновим постановку "La Fille". А ты безумен, как я?" — вспоминает Джозеф Вольпи.

Генеральный менеджер оказался не менее безумным, чем тенор. Было решено не только возобновить "La Fille" на сцене "Мет", но превратить ее в кульминацию затишного празднования 60-летия Лучано. Впрочем, в этом-то как раз и была соль его безумники. В последний раз Паваротти спел партию Тонио из "La Fille" на сцене "Мет" в 1973 году. С тех пор он ни разу к ней не возвращался. Оно и понятно — партия Тонио, тирольского пейзажа, безумно влюбленного в полную Мари, дочь французского полка, не для тенора, которому стукнуло шестьдесят. Речь идет не о внешности, а о голосе.

Я помню "La Fille" 22-летней давности. Лучано пел Тонио, в роли кокетки выступала оперная гранд-дама баронесса Джоан Сазерленд. Зал взорвался овацией, когда в финале первого акта в арии "Pour mes amis" Паваротти взял серию из девяти верхних "СИ", причем не постепенно, "взбираясь по ступенькам", что сравнительно легко, а прыгнув с октавы ниже. То же самое повторилось в финале второго акта. "Метрополитен опера" безумствовала. Техническая свобода и мощь голоса лирического тенора принесли ему титул "короля верхнего" "си", а затем и всемирное признание. Паваротти стал celebrity, то есть знаменитостью.

Обычно годы настраивают человека на рефлексии и размышления. Но с тех пор, как мне исполнилось 60 лет, я совершенно обезумел, — говорит певец. — Я решил вновь спеть Тонио в честь дня моего рождения именно потому, что стал безумцем. Я люблю вызов, и я иду ему навстречу. Вот одна из причин того, почему люди приходят слушать меня. Они знают, что я как канатоходец, и каждому хочется не пропустить тот миг, когда я сорвусь.

К сожалению, и для него, и для нас, а быть может, к стыду для нас, в этих словах Паваротти заключена горькая крупинка истины. Никто не ходит, например, на Доминго, предвкушая скандалчик или сладкую надежду на то, что он пустит пуха. А вот с Паваротти это как бы дополнительная остринка. Впрочем, он сам в этом виноват. Во всяком случае, не без греха.

Партия Тонио не столь уж большая, но, как признается сам певец, она "для молодого парня с мощным телом и диким звериным голосом". На 60-летнего Паваротти это описание уже не накладывается. Хотя — как сказать. Предлагаю эксперимент: выключите звук телевизора, когда поет Паваротти и наблюдайте за ним. Почти невозможно определить, когда он поет громко, а когда тихо, или какие ноты он берет — верхние или нижние. Почти никаких внешних признаков "напряга" и сжатия горла.

Технике пения, которой он не изменял и которую не изменяет по сей день, Паваротти научился у своего первого преподавателя Арриго Пола в своем родном городе Модене. Уроки Пола и осторожность Паваротти, шадившего — в отличие от ослов — свой голос, источник его долголетия. Он никогда не пел очень часто — ни раньше, ни теперь. 50–60 выступлений в год — его максимум. И лишь считанные разы за всю свою долгую карьеру он пел с интервалом в один день.

Вокальные хлопоты и трудности Паваротти были не столько голосовыми, сколько, так сказать, репертуарными. Подводила не техника, подводил выбор, ибо Паваротти был безумцем еще задолго до того, как ему стукнуло шестьдесят. Лучано по своей певческой сути лирический тенор, но богатство его тембра могут позаимствовать многие драматические теноры. И вот этот самый богатый тембр не раз играл злую шутку с певцом, толкая его на безумства, правда, чисто творческие. К ним относятся, например, роль Отелло в концертном исполнении оперы "Отелло" и ее запись (дирижер сэр Джордж Солти, Чикагский симфонический оркестр) и главная роль в опере "Дон Карлос" ("Ла Скала", 1992 год). И Отелло, и Дон Карлос — далеко не лучшие в репертуаре Паваротти, почти на грани провала. Но безумец не желает протрезвления. В 1997 году он вновь собирается петь Отелло, на этот раз на сцене лондонского "Ковент Гардена", а весной 1996 года — в "Андре Шенье" на сцене "Метрополитен опера".

СВОЕ шестидесятилетие Паваротти встретил в отличной форме. Голос его звучал свежо, как никогда за последние годы. "Мой голос все еще имеет красивую окраску и звучит молодо, как и у моего отца. Ему 83 года, а голос у него все тот же, что и в 25 лет", — говорил Паваротти. Но одно дело тембр и свежесть, а другое — высокие ноты. С годами голос певца, в особенности лирического тенора, вполне естественно приобретает, скажем так, темноватую густоту. Голос Паваротти не исключение. Даже для него Бог не сделал этого. Ничего страшного в этом нет, даже напротив. Голос певца приобрел новые великолепные оттенки. По свидетельству Джун Андерсон, которая должна была петь Мари в "Fille du Régiment", "голос Лучано значительно изменился, но в основном к лучшему. То, что мы потеряли в нем, компенсируется глубокими тонами. В то же время его голос не стал деревянным

или сухим, что иногда происходит с возрастом".

Джун была студенткой музыкальной школы Йельского университета, когда Паваротти впервые выступил в "Fille du Régiment" на сцене "Метрополитен опера". С тех давних пор она его пылкая поклонница, пребывающая в перманентном восторге от его вокальной техники.

Постановщиков оперы беспокоила не столько совместимость голосов исполнителей главных ролей, сколько совместимость их внешности. Джун Андерсон — это колоратурное сопрано, обретшее форму стэтукки. Ну, а Паваротти уже далеко не мальчик резвый, кудрявый, влюбленный. Вернее, он по-прежнему резвый, кудрявый и влюбленный, но не мальчик, тем более стройный, как микеланджеловский Давид. Джун Андерсон это обстоятельство несколько не смущало.

Короче, перед открытием занавеса меломанов интересовал не вес Паваротти. Все гадали, возьмет ли он знаменитое верхнее "си"? Водится ли оно еще в его регистрах? В каждом меломане Паваротти неизменно будит завсегда цирка, любителя острых ощущений — сорвется канатоходец или нет? Для ажиотажа имелись и некоторые, так сказать, привходящие обстоятельства, подхлестывавшие его. Дело в том, что Паваротти первый исполнитель роли Тонио, который осмелился заканчивать его ударные арии на верхних "си". Все остальные теноры предпочитали "облегченную версию", предусмотрительно написанную автором оперы Доницетти для певцов, не отличавшихся безумием Паваротти.

Готовясь к премьере, Паваротти, по его собственному признанию, "дрожал".

И ВОТ наконец день премьеры. Не успел занавес "Мет" обнажить сцену, как мое сердце защемило сладкое чувство. Было трогательно узреть в этом океане виртуальной реальности островок театральной условности. Рисованные задники, вырезанные из карт она и фанеры деревья и "непохожие" Альпы. Смелый вызов технической аутентичности, продиктованный вкусом и режимом экономии. Только на фоне таких декораций можно петь и играть оперу Доницетти. Только на фоне таких декораций продолжает жить вот уже полтора века эта праматерь всех музыкальных комедий. Только на их фоне персонажи оперы не выглядят карикатурными, а богатый песенный мелодизм не оставляет привкуса сахара. И, наконец, только на фоне таких декораций можно понять и оправдать путешествие в прошлое Лучано Паваротти.

Джун Андерсон была бесподобна. В особенности в гренадерском мундире, подчеркивавшем ее волшебные формы. Партия Мари традиционно считается золотой жилой для колоратурного сопрано. Андерсон разрабатывала ее как самый удачливый золотоискатель Клондайка, одно-

временно смело и расчетливо, поверяя гармонию алгеброй, заковывая страсть в орнаменты классического пения. Так и подмывало крикнуть ей по ту сторону оркестровой ямы!

— Pour mes amis!

Сделал это за меня, за всех нас, мужчин, Лучано Паваротти. И как сделал! Его голос придал двумерным декорациям "Мет" трехмерное измерение, даже четырехмерное, ибо Время властно просилось в главные действующие лица. Не только "Fille du Régiment", а всего происходившего и на сцене, и за кулисами, и в зрительном зале. И в наших сердцах.

Музыка и певец свершили чудо. На сцене любил и страдал не грузный 60-летний мужчина, а молодой тиролоец. Большая диафрагма делала свое большое дело, передавая голос, как эстафету, от головы, где зарождался звук, к горлу, из которого он вырывался. Рука об руку с бельканто шло обаяние. Не обаяние бельканто, а просто обаяние. Человеческое.

Ну, а знаменитые, фирменные верхние "си"? Их не было. Во время репетиций Паваротти сражался с ними, как библейский Яков с Богом. Но Бога никому не одолеть. Даже Паваротти. И Лучано решил спуститься с неба на полступеньки ниже. Перестав быть "королем верхнего" "си", он остался просто королем в роли крестьянского пареня из Тироля в окружении картонных деревьев и фанерных Альп...

Здесь я собирался поставить точку. Но концы к нашим историям дописываем не мы. Их дописывает жизнь. И смерть. Нет. Паваротти не умер. Дай ему Бог долгих лет счастливой творческой жизни, и пусть голос Лучано звучит молодо даже в день его 80-летия, как у отца!

Когда давали второе представление "La Fille", Паваротти во втором акте на сцену не вышел, и партию Тонио допел за него дублер — Жан-Люк Виала. Зрителям объяснили, что Паваротти заболел, у него высокая температура, закупорка дыхательных путей и сильное выделение мокроты. Но это была не полная правда. Оказывается, певец был болен уже тогда, когда приехал в Нью-Йорк. Он сидел на антибиотиках, пытаясь сбить высокую, как его прежние "си", температуру. За все 27 лет содружества с "Метрополитен опера" он ни разу не просил администрацию, когда выступал, будучи больным, делать объявления об этом перед поднятием занавеса. (В прошлом году он пел в "Тоске" с температурой почти под сорок.) Выяснилось, что и на премьере "Fille du Régiment" он пел с температурой 38° по Цельсию.

...Публика бешено аплодировала ему. Но, когда дали занавес, он уже не вышел на поклон вместе с другими артистами. Лучано сидел за кулисами, в ожидании либузина, который должен был отвезти его в отель. Он сидел, закутавшись в теплый халат. Шея его была обмотана длинным шарфом. Он чем-то напоминал Меншикова в Березове со знаменитого полотна Сурикова. Он сидел за теми кулисами, которые сыграли с ним злую шутку; среди тех декораций, которые распалили его безумие, заставили его, толкнули войти вторично в реку Времени. Над его головой шелестели картонные деревья. За его спиной высились фанерные Альпы. А в нью-йоркском небе пылала недосыгаемая Луна, похожая на верхнее "си".

НЬЮ-ЙОРК